

курсу цельность при четком ощущении, где находится стержень истории государства и его народа, что удерживает нашу страну и нас от самоуничтожения.

Огромное значение в деле духовного просвещения и воспитания имеет разговор о православных святынях и православных святых нашего региона (информации о наличии мусульманских святынь в Зауралье пока не поступало). Студенты узнают о духовной истории Зауралья и Уральского региона, о святых источниках, чудотворной Чимеевской иконе Божией Матери, о преподобном Далмате Исетском, праведном Симеоне Верхотурском, мученике Василии Мангазейском и иных людях, сумевших в условиях нашего края достичь святости и потому особенно способных стать примером для подражания для тех, кто хочет жить нравственно и достойно. История Далматовского монастыря, наглядно показывает, как взаимодействовали в истории освоения края русскими духовное и материальное. Монастырь имел огромное значение для освоения и защиты Зауралья, являясь одновременно духовным центром этой территории. С несомненным интересом выслушивают студенты и информацию о святых источниках, вода которых обладает целебной силой, и в дальнейшем часть из них посещает эти места. Поскольку большинство учащихся крещены в Православии, то учебный курс помогает им преодолеть недостаток знаний, а нередко и искаженную информацию о Православии и Православной Церкви. Студенты-мусульмане лучше узнают Православие, снимая часть своих претензий и, в свою очередь, помогают лучше понять исповедуемую ими религию, опровергая некоторые искаженные представления, восходящие к СМИ. Информацию о жизни и верованиях «двоедан» (старообрядцев) учебный курс позволяет дать с полнотой, намного превосходящей другие учебные курсы. Это тоже должно способствовать формированию у учащихся веротерпимости и добрососедскому отношению к ближним. В IV разделе нашего курса рассказывается и о зауральском казачестве.

Уроки истории указывают верное направление пути к межнациональному, межконфессиональному и культурному согласию в регионе.

О. М. ФАРХИТДИНОВА

«ДЕВИАНТНОСТЬ» МОЛОДЕЖИ – ИТОГ ПРОПАГАНДЫ НОРМ ДУХОВНОСТИ?

Духовность человека состоит в том, что он сам, автономно ищет, желает и имеет в виду *объективное совершенство*, воспитывая себя к этому видению и творчеству, писал И. А. Ильин. Становление, развитие, гибель, возрождение (к становлению) – «пульс» явный и показательный для характеристики событий, не вписанных в обыденное и повседневное, для событий, имеющих черты надлома, кризиса. Человек мировых городов иррелигиозен по сущности, пишет О. Шпенглер. И в то же время, «всякая живая духовность религиозна, имеет религию, сознательно или бессознательно. Ее религия в том, что она, т.е. духовность, вообще существует, находится в становлении, развивается и осуществляет себя». И далее вывод Шпенглера, согласно которому всякая

религиозность мирового города основана на самообмане, не оставляет сомнений в круговороте событийного ряда. Выраженная *духовность* смотрится гораздо органичнее, в соответствии с высказанной позицией и гибель – ее закономерный итог. Сведение духовной жизни к ряду констатаций бытия приводит к уравниванию ее с реальностью психической и физической. Бердяев (*Философия свободного духа*) в этом отношении пишет, что вся действительность есть лишь символизация духовности, лишь отображение ее состояний, ее внутренних событий, ее пути.

Отсутствие в поступке человека направленности на совершенство приводит лишь к частному итогу. *Смысл* воспитания – формирование этой направленности, но отнюдь не всегда подобное формирование отвечает требованиям морали. Например, массовые спекуляции понятиями «духовность» и «ценность» привели к шкале соответствия тем или иным стандартам в той или иной Ситуации. *Ситуативность духовности* вызывает подозрение и сомнение в дееспособности этого понятия для общественного сознания.

Под девиантным поведением молодежи обычно понимается поведение, отклоняющееся от принятых в обществе норм и ценностных установок. Молодежь выделена в современном обществе в отдельный «феномен», наделена (в силу своей неписанности в принятую норму) девиантными характеристиками по определению. Истоки, порождающие подобные негативные настроения по отношению к молодежи и имеющие массу следствий в обществе, имеют давнюю традицию. Часто девиантным выглядит и трактуется поведение молодых людей, которые выпадают из контекста или ломают ситуацию неожиданностью проявлений. Но на сегодняшний день девиантность следует по стопам подпадающих под определение молодежи как призрака. Девиантно в молодежи все: стиль одежды, стиль поведения, манера общаться, желание себя проявить, утвердить тем или иным образом.

Имеется клиническое определение девиантных действий в отношении прав и свободы граждан, от которого, на мой взгляд, и следует отталкиваться. Негласное распространение термина на весь спектр молодежной жизни привело и к гиперболизации и негативизации этого термина в общественном сознании.

Ценностный аспект в отношении проблемы девиантного поведения молодежи в том и состоит, чтобы изменить отношение к нестандартным формам поведения и выражения собственной точки зрения молодежи.

Если обратиться к заострению внимания на понятиях «молодежь», «проблемы молодежи», то эти феномены начинают активно обсуждаться общественным мнением не столько тогда, когда намечается слом привычной формы взаимодействия (кризисные условия), сколько как попытка зрелого поколения предъявить времени свой билет и свое право на понимание происходящего. Заострение внимания на проблемах молодежи в общественном сознании имеет двоякий формат: защитный механизм для «старейшин» общества – прекрасный предлог найти для себя оправдание, причем быстрое, импульсивное и застраховать себя от грядущего социального изменения, явно нежелательного, потому что приспосабливаться к изменению – шаг трудный и энергетически затратный.

Защитный механизм общественного устройства – констатация проблемы отклоняющегося поведения и рамок этого отклонения. С одной стороны, существующая градация поведенческих норм обеспечивает оптимальный фон существующих взаимоотношений в обществе. С другой стороны – результатом подобной констатации являются определения вариантов «можно-нельзя» в своих многочисленных вариациях. Определить и устанавливать новые нормы в таких условиях особенно легко. Законотворчество в этих условиях получает наибольшую поддержку и привилегии.

Отношение между нравственностью и правом в обществе имеет двойственную природу и изначально было подчинено делению имманентно-сущностной нравственной жизни и жизни согласно закону. Но в большинстве случаев «закон есть форма борьбы с несовершенством мира и человека, сама отражающая на себе это несовершенство». Противоречие между ценностями личности и гражданина – закономерное. Оно измеримо в формате закона. Парадокс их соотношения и невозможность реализации в обществе уровне законов и поведения конкретного индивида выявляется в потребности общества изучать и рассматривать его.

Е. С. ЮРКОВА

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПУТЕЙ СГЛАЖИВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ

Во многих концепциях XX в. подчеркивается, что духовно-интеллектуальные возможности помогли человеку создать искусственную среду обитания, напоминающую комфортный рай, при этом, одновременно, сам современный человек приобрел сущностные черты искусственности. В философии последних десятилетий подобная трансформация представлена в виде таких характеристик, как «одномерный человек» (Г. Маркузе), «корпоративный человек» (Р. Миллс), «человек организации» (У. Х. Уайт), «экономический человек» (А. Печчеи), «сетевик-навигатор» (О. Г. Генисаретский) или «телематический человек» (Ж. Бодрийяр, Дж. Мартин). Эти обезличенные характеристики, навешивающие образ машины отражают ситуацию нарушенного равновесного состояния человека, который живет с дефицитом человеческих качеств – сострадания, чуткости, совести, стыда, верности и др.

С древних времен философия рассматривала человеческое проживание в границах морально-оценочной оппозиции «добро-зло», или ее вариации – «правильное-неправильное». Разрешение оппозиционного требует наличия и взаимосвязи трех аспектов – мотивационного (аспекта цели), аксиологического (аспекта смысла) и морального (аспекта ответственности). Все аспекты предполагают учет специфических особенностей культурно-исторической обусловленности проживаемого периода, в том числе аксио-антропологический кризис. С конца XX в. это – сверхинформатизация, компьютеризация всех сфер жизни общества; культурная универсализация, которой способствуют Интернет, агрессивность СМИ, культурная потребительская «всеядность», господство дизайнерских технологий; иллюзия личной независимости во всех